

УДК: 726.03

Раскин А. М.

Ротондальные храмы – феномен в истории отечественного зодчества

Статья посвящена изучению ротондальных храмов России, возводившихся по большей части на рубеже XVIII–XIX вв. Автором прослежены истоки ротондальных сооружений, начиная с античности, определены специфические черты отечественных ротондальных храмов, в том числе Урала и Сибири. В статье установлено место Урала по количеству храмов, по качеству строительства, а также представлен первый осуществленный проект ротондального храма на Урале.

Ключевые слова: ротондальный храм, русская архитектура, храмовое зодчество, феномен, знаменитые зодчие.

RASKIN A. M.

ROTONDALNY TEMPLES – THE PHENOMENON IN THE HISTORY OF DOMESTIC ARCHITECTURE

This article is devoted to rotunda churches in Russia, erected at the turn of the XVIII–XIX. The author has traced the origins of rotunda constructions from antiquity. In this article the specific features of domestic rotunda temples, including Urals and Siberia. The article established the place of the Urals on the number of temples and the quality of construction. The author has also established the first rotunda temple in the Urals.

Keywords: rotondalny temple, russian architecture, church architecture, phenomenon, well-known architects.

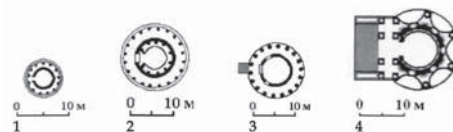
**Раскин
Анатолий Михайлович**

канд. искусствоведения,
профессор каф. истории
искусств УрГУ
E-mail: arthist@usu.ru

Слово «феномен» – не гипербола, оно отражает действительный характер явления, имеющего вполне определенные территориальные, временные и прочие рамки, к тому же крайне ограниченные. Притом что общее количество ротондальных храмов по сравнению с десятками тысяч других, построенных в России за ее историю, насчитывает (с учетом утраченных) семьдесят пять объектов такого рода (т. е. плюс-минус восемь десятков), их архитектура, как правило, высокого качества, а среди их создателей имена выдающихся мастеров – В. Баженова, М. Казакова, Н. Львова, О. Бове, Л. Руска и незаслуженно забытых В. Могульского и И. Подъячева. При этом стоит сказать, что многие из до сей поры не атрибутированных ротондальных храмов выполнялись мастерами круга В. Баженова и М. Казакова (его в первую очередь) не без участия учителей.

Время возведения большого числа этих храмов ограничивается 1760–1830-ми гг., т. е. охватывает менее столетия, включая время правления Екатерины II, Павла I и Александра I. За весь предшествующий этой волне строительства период было возведено лишь несколько ротондальных храмов: четыре из них во время правления Петра I и один – при Елизавете Петровне. Совершенно справедливо внимание историков архитектуры привлеч лишь один из

них – построенная в имении князя Долгорукова Подмоклово (близ Серпухова) Богородицкая церковь (1714–1754). Как полагают, автором был итальянец Карло Фонтана, воплотивший в ее облике и античные, и ренессансные традиции и черты европейского барокко. Сохранение основных черт от античности до Богородицкой церкви представляют ил. 1 и 2.

Ил. 1.

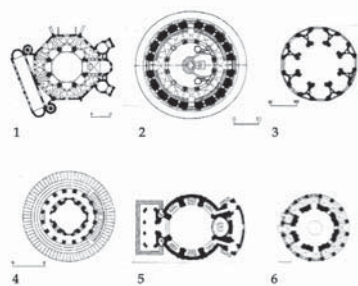
1 – древний фолос в святилище Аполлона, Дельфы, ок. 580 г. до н. э.

2 – большой фолос в святилище Афины Пронаи, Дельфы, начало IV в. до н. э.

3 – храм Сибиллы, Тибур, начало I в. до н. э.

4 – круглый храм, Баальбек, I–III вв.

Об этой церкви во «Всеобщей истории архитектуры» сказано лишь одна фраза: «Интересный пример ротондального храма – церковь в селе Подмоклово...» [1, с. 183]. В «Истории русской архитектуры» – чуть больше, но уже в контексте начала формирования типа центрических храмов-ротонд [2, с. 330]. Как ни странно, в том и в другом случае указывалась лишь дата окончания строительства церкви – 1754 г., хотя оно было начато сорока годами ранее. К тому

Ил. 2.

- 1 – церковь Сан Витале, Равенна, между 526 и 547 гг.
- 2 – Баптистерий в Пизе, 1153 г., XIV в.
- 3 – Оратория Санта Мария дельи Анджели, Флоренция, 1427–1436 гг., арх. Брунеллеско
- 4 – монастырская часовня Темпьетто (Рим, 1502 г., арх. Браманте)
- 5 – церковь в Аричча, 1664 г., арх. Бернини
- 6 – Богородицкая церковь, усадьба Долгорукого Подмоклово, 1714–1754 гг., арх. К. Фонтана

времени был сформулирован заказ и выполнен проект. Именно эту церковь можно считать «первой ласточкой», определившей взлет строительства храмов подобного типа с екатерининских времен, который наступит почти столетие спустя. Причины этого явления имеют не столько стилистические корни (от барокко к классицизму), сколько лежащие в сфере культурологии, социологии и даже политики.

Учет этих проблем может объяснить не только изменения, которые находили отражение в архитектурных решениях ротондальных храмов, но временные рамки, в которые уместились сроки возведения их основной части, и региональные границы, за которые их возведение, за самым редким исключением, не выходило.

Прежде чем ответить на эти вопросы, связанные с российской историей, ее культурой и политикой, стоит кратко оговорить историю создания храмов-ротонд в европейском зодчестве, минуя создание круглых в плане строений, истоки которых обнаруживаются в первобытности.

Первые ротондальные храмы, так называемые фолосы, появились еще в Древней Греции, на границе периодов архаики и ранней классики. Один из самых древних – в святилище Аполлона в Дельфах (около 580 г. до н. э.). Самым красивым был храм Асклепия в Эпидавре (IV в. до н. э.). Рим, во многом повторяя схемы планов греческих храмов, еще во времена Республики привносит в них купольное завершение. Наиболее яркие примеры тому – храм Весты (или Сибиллы) в Тибуре с изумительным по красоте коринфским ордерам, храм Весты на Бычьем рынке в Риме и ряд других, среди которых особое место спра-

ведливо занимает римский Пантеон, строительство которого было завершено в 128 г. при императоре Адриане. Это – чудо инженерного искусства на все времена. Диаметр ротонды равен величине ее высоте при сферическом куполе диаметром в 43,2 м. Предполагаемый автор – Аполлодор Дамасский, соорудивший перед этим самый грандиозный среди других – форум Траяна. Последним типично римским круглым храмом (помимо мавзолеев) можно считать нимфей Минервы Медики Лициппиевых садов, возведенный в начале IV в.

Тысячелетняя Византия не приняла римскую эстафету в храмовом строительстве. Церковь Сан Витале в Равенне (526–547), построенная в городе, подвластном Константинополю, представляет собой скорее исключение. Византия разрабатывает свой тип храма – крестово-купольный, который через Киевскую Русь овладевает остальными княжествами и останется главным по сей день.

Как и церковь в Равенне, возведенные в Средние века храмы в разных европейских странах единичны. Наиболее известные из них – дворцовая каролингская капелла в Ахене, монастырская церковь в Шару (Франция, XI в.), церковь Сент Сеполькер в Нортхэмптоне (Англия, XI–XII вв.), знаменитый баптистерий в Пизе (Италия), начатый строительством в 1153 г., а законченный уже в эпоху Возрождения, в XIV в.

Ведущие архитекторы итальянского Возрождения (возрождали ведь не что иное, как античные традиции, в первую очередь – античного Рима) не могли не обратить внимание на сохранившиеся древние ротондальные храмы. Брунеллеско во Флоренции возводит ораторию Санта Мария дельи Анджели (1427–1436), Браманте – знаменитую часовню Темпьетто монастыря Сан Пьетро ин Монторио в Риме (1502), Микеле Санмикеле – капеллу Пеллегрини при монастыре Сан Бернардино в Вероке (1557). Продолжая опыт виллы Ротонды в Виченце, Палладио проектирует храм в Мазере, в Венеции Лонгена возводит великолепную церковь Санта Мария дела Салюте (1631–1682), а Бернини – церковь в Аричча (1664). Перечень можно продолжать. Пример Италии получил прямой отклик в строительстве немногих ротондальных храмов и в странах Восточной Европы: Польше и Украине.

Когда речь заходит об истоках возведения ротондальных храмов в России, пальму первенства часто отдают

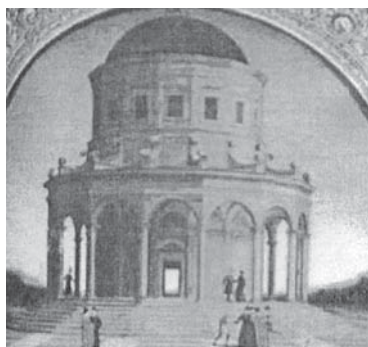
Воскресенскому собору Ново-Иерусалимского монастыря. С формальной точки зрения это так. Ротонда над «Гробом Господним» под ротондальной частью храма ни до, ни после не имела аналогов в архитектуре России. Но следует отметить, что наличие даже такой крупной ротонды не делало храм ротондальным, поскольку он оставался четырехстопным, а ротонда, хотя и весьма своеобразно, заменяла апсиду. Реформатор патриарх Никон не утвердил этим какие-либо изменения в культовом зодчестве. Наоборот – храм должен был быть исключением из правил, единственным и неповторимым знаком «переселения» Иерусалима в Москву, которая должна была стать «третьим Римом», стать выше Ватикана. Личные амбиции Никона нашли свое отражение и в стремлении поднять церковную власть над светской, стать выше царя. Как мы знаем, Алексей Михайлович места не уступил, а Никон закончил свои дни в ссылке. Повторяя по заказанному макету иерусалимский храм, он интересовался не столько его архитектурой, сколько политической стороной дела. Храм возводился не в качестве образца для подражания, а как нечто неповторимое, уникальное. И не случайно мотивы, обусловившие появление ротондальных храмов через несколько лет после обрушения ротонды храма на Истре – своего рода символ крушения планов Никона, были в принципе иными. Не столько благодаря церкви, скорее вопреки ей, возведение ротондальных храмов шло ускоренными темпами.

Если еще при Алексее Михайловиче общение с Европой походило на переговоры через форточку, то распахнутое Петром «окно» кардинально изменило его характер. Для многих представителей российской элиты Франция и Италия становились вторым домом, а европейские языки такими же родными, как и русский. Заграничная «корабельная стажировка» Петра I завершилась со временем приглашением в Россию специалистов самого разного профиля и обязательным «пенсионерством» в странах Европы лучших выпускников Академии художеств.

Элита стремилась подчеркнуть свою «особость» не только общением на французском, одеждой по парижской моде, «французиками из Бордо» в качестве гувернеров, но и обликом своих усадеб. Архитектура строений в них, в том числе и церквей, должна была стать своеобразной визитной карточкой, знаком высокого

статуса ее владельца. Чего стоит хотя бы перечень имен хозяев подмосковных усадеб: Голицыны, Долгоруковы, Нарышкины, Головины, Бибиковы, Чернышевы, Салтыковы, Орловы, Вяземские, Шереметевы, Львовы, Демидовы, Яковлевы и т. д. Среди них, как видим, не только потомственные аристократы, но и «новые русские» того времени, сделавшие свою карьеру талантом и трудом и состоятельностью своей занявшие самые высокие ступени социальной лестницы.

Поскольку окрестности Москвы во всех отношениях привлекательнее петербургских, к тому же «оккупированных» царскими резиденциями, именно в Подмоскowie строятся и перестраиваются усадьбы знати. Количество возведенных в них ротондальных храмов можно сравнить с фейерверком, подобное строительство в других местах – с бенгальским огнем. Все храмы подобного типа, построенные в самой Москве, Петербурге и на всех просторах страны, уступают числу подмосковных. Но, уступая в этом, не уступают своей архитектурой. Причина тому проста – их проектировали лучшие из лучших архитекторов того времени. И если церковь в Подмоклово целиком повторяла схему, ставшую традиционной для Европы (ил. 3), то в храмах «новой волны» четко обозначено стремление к объединению двух тра-

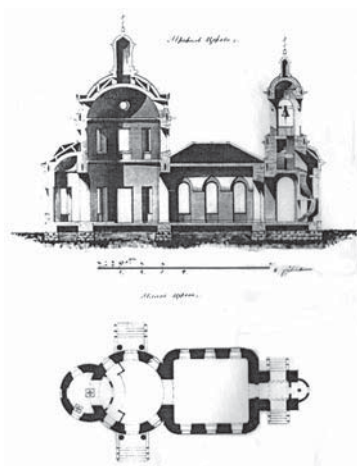

1

2

Ил. 3. Сопоставление образов храмов.
1 – фрагмент картины Рафаэля «Обручение девы Марии» (1504 г.)
2 – церковь Рождества Богородицы в Подмоклово (1714–1754 гг.)

Ил. 4. Проект церкви для Нижнего Тагила (начало XIX в., М. Казаков)

диций – европейской и российской. Ротонда оставалась главной частью храма, включалась в характерную для России схему «кораблем».

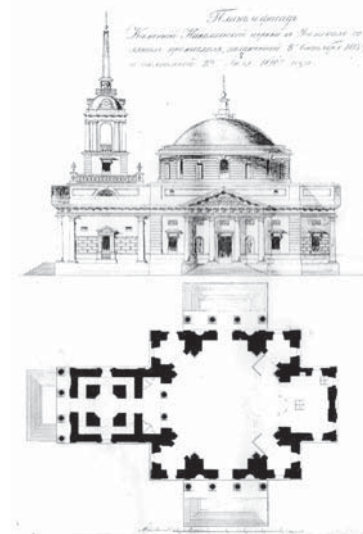
Если о храмах подобного типа, возводимых в самой Москве и Петербурге, достаточно сведений в различных изданиях по истории архитектуры, в том числе справочной, то о подмосковных наиболее полно говорится в «Памятниках архитектуры Московской области» [3].

До последнего времени Петербург с его окрестностями считался вторым после Москвы с Подмосковьем регионом по численности ротондальных храмов. Некоторые построенные на Урале лишь упоминались в местной прессе. Их тщательная «инвентаризация» показала, что Урал является если и третьим по счету, то вторым после Москвы с Подмосковьем по количеству храмов, а по качеству – не уступающим столичным. Возможностью представить их читателю необходимо воспользоваться. Первым, но, к сожалению, несуществующим проектом ротондального храма был храм, заказанный Демидовым для Нижне-Тагильского завода (ил. 4).

Вполне возможно, что этот проект – вариант церкви, возведенной в подмосковной усадьбе Демидовых на Гороховом поле. Весь усадебный комплекс, в том числе и ротондальная церковь, проектировался М. Казаковым. Проект, предназначенный для строительства в Нижнем Тагиле, не был реализован, скорее всего, из-за его малой востребованности. Сам проект представляет несомненный интерес, поскольку в нем в той или иной мере проявились все черты, присущие московской школе. Решение любого из элементов плана, от колокольни до апсиды, можно встретить если не

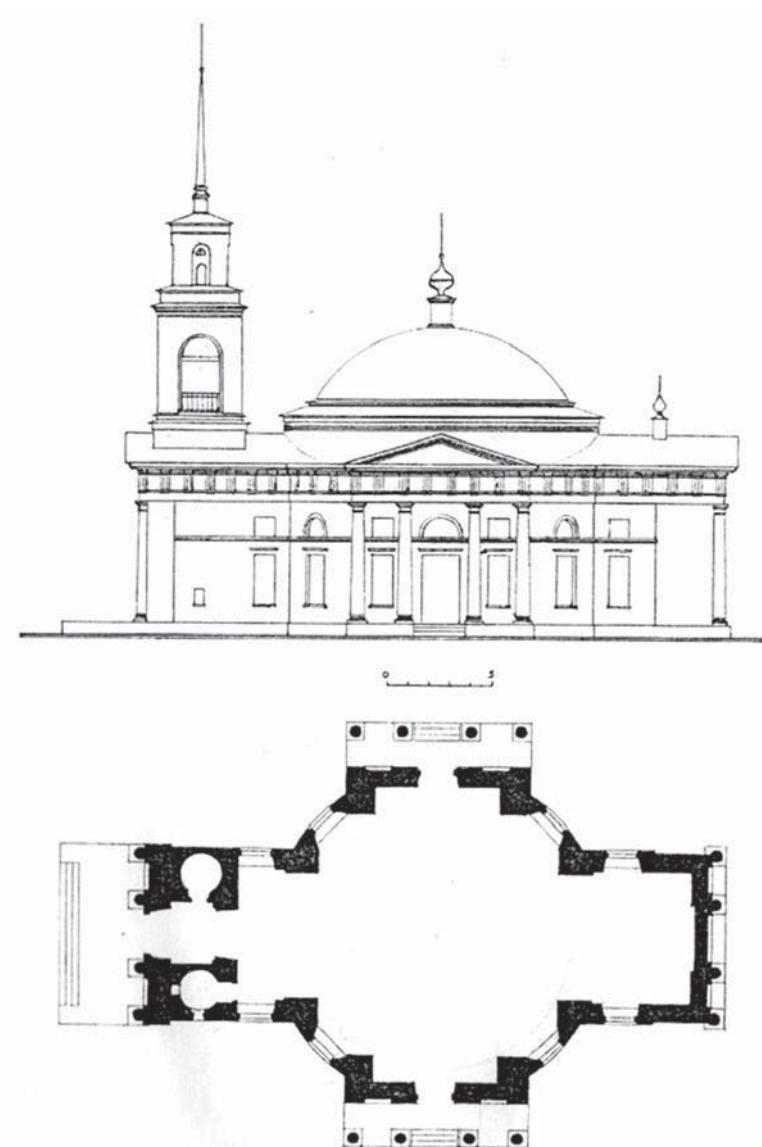
в одном, то в другом из многочисленных ротондальных храмов подмосковных усадеб. Если, например, трапезная церкви на Гороховом поле имеет боковые приделы, то в другой усадьбе Демидовых – Петровском – трапезная аналогична той, которую видим в проекте для Тагила. Примыкание апсиды к ротонде в проекте близко решениям усадебных храмов, повторивших, по сути, примыкание апсиды в хорошо известной московской церкви Космы и Дамиана. Прямых аналогов не имеет лишь решение лестницы, ведущей на верхний ярус колокольни. Она заняла место западного входа, передав его роль боковым. Решение достаточно смелое и рискованное. Возможно, оно сыграло роковую роль в судьбе проекта.

Первым осуществленным проектом ротондального храма на Урале была Никольская церковь в Усолье (1813–1820). Усолье – вотчина Строгановых, поэтому бытующая версия об авторстве Воронихина возражений не вызывала. Тем не менее, такая атрибуция ничем, кроме легенды о происхождении архитектора, не аргументировалась. Однако тщательный стилистический анализ (который здесь приводить неуместно) четко обозначил имя реального автора проекта. Им был Иван Подъячев – помощник Воронихина, его правая рука при проектировании интерьеров Строгановского дворца на Невском проспекте, его спутник в «итальянском турне». Уже многие годы Никольская церковь реставрируется, поэтому более четкое представление о ее архитектуре дает обмер, выполненный еще в середине XIX в. (ил. 5).

Ил. 5. Никольская церковь в Усолье (1813–1820 гг.). План и фасад церкви (альбом Сивковых)

Ил. 6. Никольская церковь в с. Кленовское (1813–1820 гг., арх. И. Подъячев). Южный фасад и план (реконструкция А. Раскина)

Церковь представляет собой редкий пример так называемой «скрытой ротонды», классическим примером которой является вилла Ротонда, построенная Палладио в Виченце в середине XVI в. Круг ротонды вписывается в квадрат за счет угловых пристроев. Внешне церковь не выглядит ротондальной, лишь оказываясь внутри впечатляет эффект ротонды. Общая композиция усольской церкви повторяет целый ряд обычных церквей, построенных по проектам Подъячева во многих прикамских вотчинных селах и получивших название «подъячевских». В отличие от усольской, их ложный купол венчает не квадрат, а прямоугольник. При общем для них плане, различия лишь в рисунке колокольни и портиков. Никольская церковь в Усолье –

трансформация этой схемы в решении внутреннего пространства.

Следующим шагом к уже «чистой» ротонде станет церковь в селе Кленовское, расположенном на старом Московском тракте между Екатеринбургом и Красноуфимском. Никольская церковь в селе Кленовское явно скромнее усольской, ее купол не имеет барабана, западный портик из трехчетвертных колонн («ложный»), декор предельно скромен (ил. 6).

Церковь пытались возвести к приезду на Урал наследника престола – будущего императора Александра II, но, очевидно, не успели. Осветили ее лишь через два десятка лет после начала строительства. При всей скромности отделки она кажется монументальнее усольской. В настоящее

Ил. 7.
1 – Всехсвятская церковь в Перми (фото 2005 г.)
2 – план Всехсвятской церкви (1832–1837 гг., арх. Свиязев)

время, хотя и крайне медленно из-за проблем финансирования, идет реставрация храма. Тема статьи не позволяет уделить больше внимания творчеству Ивана Подъячева, который был одним из авторов Лазаревского института в Москве и после переезда на Урал устроил в вотчине Лазаревых, Чермозе, на Каме, архитектурную мастерскую. В ней выполнен ряд проектов крупных уральских храмов, в том числе и пятиглавого собора в самом Чермозе.

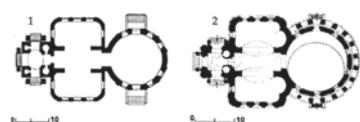
Через десять лет после начала строительства церкви в Кленовском в Перми по проекту губернского архитектора Ивана Свиязева начнется строительство еще одной ротондальной церкви – Всехсвятской кладбищенской (ил. 7).

Ее возведение стоило Свиязеву немалых усилий, о чем свидетельствует переписка с губернатором, в которой Свиязев доказывал преимущества ротондальной формы храма перед другими, учитывая его большую экономичность при аналогичной вместимости. Интерес Свиязева к ротондальным формам проявился и в том, что к посещению Перми будущим государем им были построены два ротондальных павильона. Один из них (парковый) сохранился до наших дней. Их ордерные формы очень близки ордерам портиков Всехсвятской церкви. Позднее церковь перестраивалась, появилась новая колокольня, филенчатые лопасти апсиды, дробное оформление проемов, но внутреннее убранство ротонды осталось без изменений.

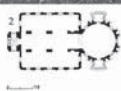
Свиязев, будучи студентом Академии художеств, или после того, как был вынужден ее покинуть, скорее всего, принял участие в строительстве ротондального храма на Пороховых

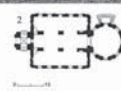
Ил. 8. Спасо-Преображенский храм в Верхнем Уфалее (фото конца XIX в.)

Ил. 9. Планы церквей.
1 – Спасо-Преображенский храм в Верхнем Уфалее (1816–1819 гг.)
2 – Вознесенская церковь на Гороховом поле в Москве (1790–1793 гг., арх. М. Казаков)

Ил. 10.
1 – Введенская церковь в Миньяре (фото 70-х гг. XX в.)
2 – план Введенской церкви (1797–1819 гг.)

Ил. 11.
1 – Сретенская церковь в Илеке (фото 70-х гг. XX в.)
2 – план Сретенской церкви (1817–1820 гг.)

заводах под Петербургом. Этим, возможно, объясняется столь выраженный интерес к ротондам.

Все перечисленные церкви, и Никольские в Усолье и Кленовском, и Всехсвятская в Перми, явно уступают

своими ротондами храмам, возведенным на территории нынешней Челябинской области – в Верхнем Уфалее, Миньяре и Илеке.

Первым среди них был возведен Спасо-Преображенский собор при заводе Губина в Верхнем Уфалее (ил. 8, 9).

Авторство храма до сего времени не установлено, но прямая связь если не с самим М. Казаковым, то с мастерами его круга несомненна. Достаточно сравнить планы храмов в Верхнем Уфалее и на Гороховом поле в Москве. При том что план уральского храма является упрощенным вариантом московского, главный элемент – двухъярусная ротонда – здесь повторена. Размеры храмов практически совпадают, чуть изменены приделы трапезной, отсутствует охватывающая нижний ярус московского храма колоннада, скромная во всех отношениях деталь. К сожалению, храм утрачен, и судить о его облике можно лишь по старым фотографиям.

Свое развитие подобная схема храма-ротонды получает во Введенской церкви в Миньяре, при заводе Ирины Бекетовой, церкви, строительство которой было начато в том же году, когда был освящен храм в Верхнем Уфалее. Единственное, что роднит обе постройки – возведение двухъярусной колокольни. Введенская церковь в Миньяре по праву может считаться если не самым крупным среди ротондальных храмов не только Урала, но и всей России, то одним из самых пластически разработанных и стилистически целостных (ил. 10).

Колоннады из спаренных колонн охватывают не только первый ярус ротонды, как в храме на Гороховом поле, но и второй, в форме колонной аркады. Чисто «по-казаковски» решены и купольные завершения самой ротонды, и главков над колокольней и трапезной. Главка над последней, целиком отлитая из металла, – самостоятельное произведение искусства, где мастерство литейщиков сочетается с великолепной проработкой форм таких сложных деталей, как кронштейны под карнизом, украшенные волютами и акантовыми листьями. Отрадно заметить, что проводимые реставрационные работы уже достигли завершающей стадии.

В расположенной северо-восточнее Миньяра еще одной вотчине Бекетовой – Илеке – была возведена третья ротондальная церковь – Сретенская (ил. 11), являющаяся прямой модификацией церкви в Миньяре. При почти полном совпадении планов

все формы заметно скромнее, а иногда и явно изменены. Вместо второго яруса ротонды – аттик, вместо трехчетвертных колонн – пилястры, вместо двухступенчатого аттика в основании купола – одноступенчатый. Сложная ротондальная главка колокольни уступила место куда более простому куполу. Точно воспроизведена лишь главка трапезной, повторившая все детали миньярской. При всем этом церковь в Илеке, уступая миньярской в богатстве убранства, очень целостна и гармонична, и достойна считаться одной из лучших в этом жанре.

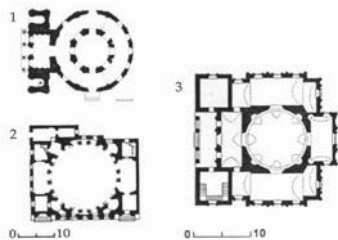
Среди всех уральских ротондальных храмов несколько особняком стоит Крестовоздвиженская церковь в казачьей станице Звериноголовское (ныне Курганская область). От остальных ее отличает не то, что она, как и усольская, – представляет собой пример скрытой ротонды, но, в первую очередь, наличие у нее двух колоколен. Мотив, впервые реализованный Баженовым в церкви усадьбы Голицыных Пехра-Яковлевское, в России встречается крайне редко, тем более – в ротондальных храмах. Церковь Всех скорбящих на Шпалерной в Петербурге, построенная Л. Руска, – единственный пример такого рода, предшествовавший строительству церкви в Звериноголовском (ил. 12.). Церковь в Звериноголовском является действующей, находится в хорошем состоянии. Пожалуй, единственный ее недостаток – входной портик между колокольнями. Прежний портик либо был утрачен, либо его не успели возвести. Существующий – плод творчества местных мастеров, не имеющих отношения к первоначальному проекту. Вопрос об авторстве остается открытым, но имя Л. Руска, естественно, следует иметь в виду.

Как видим, количество ротондальных храмов на Урале превышает их количество в Петербурге и его окрестностях.

Подлинным феноменом можно назвать Казанскую церковь в поселке Тельма близ Байкала, севернее Иркутска. Интрига заключается не только в том, что церковь – единственный ротондальный храм, обнаруженный на сегодня на необъятных просторах Сибири, но и в особенностях ее архитектуры. Среди всех известных ротондальных храмов она – единственная пятиглавая. При этом четыре главки располагаются не как это принято, на диагоналях квадрата, а по углам прямоугольника, вытянутого вдоль главной оси храма.

Ил. 12. Крестовоздвиженская церковь в Звериноголовском (фото 70-х гг. XX в.)

Ил. 13. Планы церквей:
1 – Преображенская церковь в усадьбе кн. Голицыных Пехра-Яковлевское (1777–1782 гг., арх. Баженов)
2 – церковь Всех скорбящих в Петербурге (1817–1818 гг.)
3 – Крестовоздвиженская церковь в Звериноголовском (до 1826 г.)

Ил. 14.
1 – Казанская церковь в п. Тельма (близ Усолья Сибирского, 1820 г.)
2 – план Покровской церкви (Пехра-Покровское, 1825–1829 гг., арх. О. Бове)
3 – план Казанской церкви (1816 г.)

Колокольня в плане – овальная, такой нигде не встретим! (ил. 14)

В Епархиальных ведомостях можно найти сведения и о строителях, и о служителях. И об имуществе храма. Не упоминается лишь автор проекта. Из других документов известно имя инициатора строительства – директора суконной фабрики, при которой и был возведен храм. Тайной остается

имя автора. Уже, и небезосновательно, высказывается мнение об авторстве О. Бове. Главным аргументом является наличие в архитектуре храма боковых лоджий, охватывающих ротонду. Они повторяют прием, использованный О. Бове в церкви Михаила Архангела в его усадьбе в Архангельском под Москвой и в Покровской церкви в Пехра-Покровском. Если сравнить перечисленные лоджии, то сходство вполне очевидно, что говорит в пользу уже высказанной версии. Однако эти лоджии, – пожалуй, единственное, что говорит об авторстве Бове. Подобное решение можно встретить и в более ранних проектах Н. Львова и В. Баженова. Куда важнее представляется сам характер плана, явно связывающий композиционные особенности двух стилей – барокко и классицизма, что было характерно для целого ряда проектов Баженова. Овальная же колокольня встречается лишь в одном из неосуществленных проектов Баженова. Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь, кроме Баженова, решился расположить главки таким образом, как это сделано в Казанской церкви в поселке Тельма – по сторонам ротонды. И еще одна деталь не может остаться без внимания: мальтийские кресты над окнами второго яруса колокольни и ротонды, и сплошная их лента, заполняющая фриз под карнизом ротонды. Как известно, Баженов был членом Мальтийского ордена масонов, главой которого в России являлся Павел I. Возможно, это не позволило построить храм близ столиц, но он нашел себе применение вдали от них.

Как видим, имя автора – пока лишь гипотеза, но вне зависимости от того, какая из них верна, и даже вне зависимости от этого, Казанская церковь в поселке Тельма не может оставаться на периферии истории отечественного зодчества. Это же можно сказать и о ротондальных храмах Урала.

Заключение

Учитывая особую для Урала историко-телекультурную и художественную ценность ротондальных храмов, следует изыскать средства для их окончательной реставрации и возвращения им первоначальных функций.

Список литературы

- 1 Всеобщая история архитектуры. М., 1960. Т. 6. С. 183.

- 2 История русской архитектуры. М., 1956. С. 330.

- 3 Альтшуллер Б. Л., Дьяконов М. В. и др. Памятники архитектуры Московской области. Каталог. М., 1975. Т. I и Т. II.